

- 11 Поздняков Э.А. *Философия политики*. М.: Палей, 1994. Т. 2. С. 102.
- 12 О причинах кризиса неоевразийства подробнее см.: *Сергунин А.А.* Указ. соч. С. 28–31.
- 13 Впрочем, славянофильское направление не исчезло до конца. Оно несколько трансформировалось, сделав акцент на позиционировании России не столько как евразийской, сколько «православной цивилизации», единственной и настоящей защитницы православных ценностей во всем мире. К этому направлению относятся работы Н.А. Нарочницкой. См., напр.: *Нарочницкая Н.А.* *Россия и русские в современном мире*. М.: Алгоритм, 2009.
- 14 Поздняков Э.А. Указ. соч.; *Дугин А.Г.* *Основы геополитики*. М., 1997; *Дугин А.Г., Нартов А.А.* *Геополитика*. М., 1999.
- 15 *Mackinder H.J.* *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. New York: Henry Holt, 1919. P. 186.
- 16 Поздняков Э.А. Указ. соч. Т. 2. С. 282.
- 17 Там же.
- 18 *Spykman N.J.* *The Geography of the Peace*. New York: Harcourt, Brace, 1944. P. 43.
- 19 *Strausz-Hupe R.* *Geopolitics. The Struggle for Space and Power*. New York: Putnam's, 1942. P. 195.
- 20 *Cohen S.B.* *Geopolitics in the New World Era: A New Perspective on an Old Discipline* // George J. Demko and William B. Wood (eds.). *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the 21st Century*. Boulder: Westview Press, 1994. P. 28.
- 21 Некоторые представители этой школы предпочитают называть свою доктрину «динамическим консерватизмом» (*Русская доктрина / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова*. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 842).
- 22 Русская доктрина.
- 23 Современные сторонники концепции «особого пути» имеют собственные веб-сайты, блоги, интернет-издания и пр. В сентябре 2009 года нашумел случай с открытым письмом одного из лидеров этой школы Максима Калашникова (Владимира Кучеренко) президенту РФ Д.А. Медведеву, которое он направил по электронной почте непосредственно главе государства и в котором предлагал ряд инициатив по развитию инновационного потенциала России [<http://m-kalashnikov.livejournal.com/141905.html>].
- 24 *Пантин В., Семенов И.* *Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации*. М. С. 39; *Кортунов С.В.* *Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности*. М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2009. С. 92.

Александр Верховский, Эмиль Паин

Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути»

В статье мы рассматриваем весьма распространенную в России разновидность идеологии «особого пути», использующую в качестве доказательства невозможности полноценного демократического развития России идею об особой российской цивилизации. Почему мы назвали такую идеологическую модель *цивилизационным национализмом*? Существует множество определений национализма, но если ограничиться теми, которые приняты в политической науке, то можно сказать, что в наиболее широкой трактовке под национализмом понимается такое направление в политике, базовым принципом которого является признание народа (нации) источником власти и основным субъектом политической системы. При этом одни политические силы понимают под нацией этническую общность (этнический национализм), а другие – граждан государства вне зависимости от их этнических, религиозных или расовых особенностей (гражданский национализм). В идеологических же системах вариаций национализма больше. Национализм как идеология постулирует, что человечество то ли по законам природы, то ли в силу социально-исторических причин поделено на автономные единицы, которые отличаются набором объективных характеристик, включая и неизменные или слабо изменяющиеся ментальные особенности. В XIX веке в качестве таких единиц признавали в основном нации, в конце XX века основной социокультурной единицей, хранящей некие особые ментальные фреймы (целостные образы мира) все чаще стали называть наднациональные общности – *цивилизации*. Существует неисчислимое множество попыток клас-

сифицировать цивилизации по различным основаниям: по религиозному принципу (христианская, исламская, буддистская и другие цивилизации); по макрорегиональному признаку (европейская, азиатская, африканская, латиноамериканская и др.); по месту в мировой системе (центральные и периферийные цивилизации), по расовому признаку (например, цивилизации белой расы); по странам (пример – российская цивилизация).

В науке предпринималось множество попыток типологии цивилизаций по сочетанию разных показателей (это типологии Н. Данилевского, Ф. Бэбби и Ф. Броделя, А. Крабера, К. Леви-Строса, А. Тойнби, О. Шпенглера, Э. Хантингтона, С. Хантингтона и др.), однако все варианты подобных типологий грешили отсутствием строгости и практически полной произвольностью предлагаемых сочетаний признаков. По мнению известного российского философа Г. Дилигенского, сама идея цивилизации «принадлежит к числу тех понятий научного и обыденного языка, которые не поддаются сколько-нибудь строгому и однозначному определению. Если попытаться как-то объединить различные его значения, мы, очевидно, получим скорее некий интуитивный образ, чем логически выверенную категорию»¹. Однако несмотря на всю неопределенность самого понятия цивилизации оно широко используется в российской политике, как правило, в тех же целях, в каких обычно используется этнический национализм. Прежде всего для консолидации общества на основе представлений об общей историко-культурной сущности, а также для противопоставления своей особой, уникальной общности «чужим». В статье мы пытаемся дать панораму современных политических сил, использующих в той или иной мере новый национализм – цивилизационный, а также анализируем причины и возможные последствия для России растущего интереса различных политических сил к такому национализму.

Маятник общественных настроений

В начале 1990-х годов большинство россиян (более 2/3) были охвачены ожиданиями позитивных перемен и возвращения «в семью цивилизованных наций», на торный путь общемирового развития – модернизации, демократии и либерализма. Эти настроения сохранялись сравнительно долго. Лишь к концу 1990-х общественные оценки изменились. В это время уже 67% опрошенных отмечали, что «чужой» опыт нам не подходит, поскольку у «России свой особый путь»². К началу 2000-х годов поддержка идеи «особого пути» стала почти тотальной, число ее сторонников возросло до 78%³. При этом мало кто из наших сограждан представляет, в чем же конкретно проявляется специфика «особого пути». Их оценки основаны преимущественно на противопоставлении «в России не так, как на Западе». Одновременно в обществе усилились настроения культурной предопределенности: «Россия иначе не может – таков наш менталитет».

Разумеется, перемены в общественных настроениях во многом были обусловлены реальными трудностями адаптации россиян к новой экономике, новой политической системе и новым границам, появившимся после распада СССР. Однако одинаковые социальные оценки не могут рождаться одновременно в головах миллионов людей. Вначале их формирует узкий слой экспертов, которых принято называть интеллектуальной элитой, «производителями новых смыслов», а затем уже эти идеи проникают в массовое сознание.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов властителями дум в России были западнически настроенные (в широком диапазоне либеральных и социал-демократических идей) мыслители. Они оказывали огромное влияние на общественное мнение и гордо именовались «прорабами перестройки». Читающая публика передавала из рук в руки и бурно обсуждала сборник статей с броским названием «Иного не дано»⁴. Его авторы провозглашали неизбежность поворота СССР, а затем и России от сталинизма к демократии, от плановой экономики к рынку, от конфронтационного мышления к союзу с западными демократиями. Как раз в это время в постсоветской России ошеломляющим успехом пользовался философский трактат «Конец истории» американского политического философа Фрэнсиса Фукуямы. В нем провозглашалось завершение многовековой борьбы во-

круг политических идеологий и полная, безоговорочная победа либеральной демократии⁵. Вот вам один из вариантов идеи предопределенности исторического пути.

Прошло около 20 лет, и от былой уверенности в неизбежной победе либерализма и демократии в России не осталось и следа. С начала 2000-х годов лишь иногда возникало некоторое оживление либеральной мысли. Но в целом нынешнее состояние либерализма в России может быть описано словами Михаила Ходорковского: «Фактически сегодня мы ясно видим капитуляцию либералов... “Свобода слова”, “свобода мысли”, “свобода совести” стремительно превращаются в словосочетания-паразиты. Не только народ, но и большинство тех, кого принято считать элитой, устало отмахиваются от них»⁶.

На освободившееся место идейного мейнстрима всегда есть много претендентов – это могут быть идеи левые, традиционалистские или иные, да еще в разных сочетаниях. В нашей статье мы будем говорить только о тех из них, которые прямо или косвенно наследуют тем идеям «особого пути», которые известны в России с XIX века.

В этих идеях нет ничего специфически российского, они были заимствованы из немецкой философии того времени. Позднее, уже в начале XX века, Томас Манн сформулировал основные социальные цели и признаки идеологии «особого пути»: защитить национальную культуру от надвигающейся с Запада угрозы механицизма и засилья «массы», а выполнить эту миссию способно лишь авторитарное полицейское государство⁷.

Стоит отметить, что такая идеология не обязательно предлагается собственной стране. Их можно предлагать и извне, в том числе и России. Ричард Пайпс в книге, опубликованной еще в 1974 году, в разгар холодной войны, но лишь через 20 лет изданной в России⁸, пишет, что истоки как коммунистического режима в Советском Союзе, так и нынешнего авторитаризма нужно искать в далеком прошлом России. Зародившиеся в средневековой Московии исторические особенности страны передаются по традиции, поскольку вошли в русскую национальную культуру. Главную из таких особенностей историк сформулировал так: «Русским нужен правитель»⁹.

Такие взгляды на прошлое, настоящее и будущее России, естественно, симпатичны сторонникам любого действующего авторитар-

ного режима, но не менее симпатичны эти взгляды и адептам какого-то другого авторитаризма, особенно – антизападного по лозунгам и антимодернизационного по сути. Впрочем, представление о цивилизационной предопределенности (вообще или именно для России) нетрудно встретить и среди тех, кому это представление «невыгодно», то есть среди сторонников свободы и демократии. Такова сила инерции, созданной талантливыми адептами «особого пути» России, начиная со славянофилов и Ф. Тютчева.

С начала 2000-х годов идея культурной, цивилизационной предопределенности «особого пути» России стала активнее распространяться государственными средствами массовой информации. Например, весной 2006 года она была отражена в 12-серийном цикле телевизионных передач А. Кончаловского под общим названием: «Культура – это судьба». Затем получила широкое распространение в официальной российской политике. «Культура – это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами», – это уже из лекции В. Суркова в Президиуме РАН в июне 2007 года¹⁰. В ней первый заместитель главы Администрации президента России указывает гражданам, что культура определяет *вечные* особенности политического строя. В российском случае это централизованная власть, при которой роль персон важнее законов.

Кремлевская канонизация идеи особой тысячелетней цивилизации, предопределяющей «особый путь» России, постепенно возводит ее в ранг официального «единственно верного учения», призванного заменить марксизм-ленинизм. Армия штатных и внештатных пропагандистов разрабатывает эту золотую жилу, превращая теоретическую концепцию в политическую технологию. Эта идея прежде всего призвана легитимировать своеобразное понимание суверенитета (при котором, как когда-то в понятии «самодержавие», смешиваются внешняя независимость и внутренний авторитаризм) и чрезмерно персонализированный характер системы политической власти¹¹.

Эта же идеология должна решать задачи политической терапии. Людям внушается бессмысленность и вредность привычки сравнивать положение России с развитыми странами, поскольку Запад для нас не указ – это другая цивилизация. Внедрение в массовое сознание идей об «особой цивилизации» и ее «особом пути» должно вы-

полнить функцию санитарного кордона, препятствующего проникновению в Россию «чуждых» ей либеральных и демократических веяний. Получается это, правда, плохо, поскольку сравнение себя с Западом – это, пожалуй, самая устойчивая характеристика российской политической мысли последних нескольких веков, вне зависимости от политической ориентации. И все же мечты политических радикалов, таких как политический аналитик Михаил Юрьев, об «идеологическом обеспечении изоляционизма путем создания непреодолимых цивилизационных различий»¹² не стоит считать утопией. Если нельзя заставить людей отказаться от сравнения России с Западом, то политтехнологам вполне удастся выстроить идеологический кордон, направляя такое сравнение в сторону негативных оценок и формируя образ Запада как извечного цивилизационного врага.

Поддержанное сверху учение об «особом пути русской цивилизации» победоносно шествует по стране, не встречая значимого сопротивления. Напротив, многие представители либерального лагеря, считающие себя оппозицией нынешнему режиму, фактически поддерживают ту же идею. В конце 2008 года большой резонанс имела статья историка Ю. Афанасьева «Мы – не рабы? Исторический бег на месте: “особый путь” России»¹³. В статье излагаются идеи, очень похожие на те, которые более 30 лет назад предложил Р. Пайпс, а именно: давняя история России, уж по крайней мере с XVII века, определяет и поныне сервильность российской элиты. Разница лишь в том, что Пайпс ищет генотип сервильности в особенностях экономики, а российский историк – в специфике формирования элиты. Примечательно, что Ю. Афанасьев, один из лидеров демократического движения 90-х годов, поддерживавший тогда идею «Иного не дано» как неизбежности победы либерализма в России, сейчас видит совершенно иную предопределенность: авторитаризму в России нет реальной альтернативы.

Почему ныне такой спрос на фатализм? Потому что он спутник застоя – исторической ситуации, при которой правящая элита не хочет, а оппозиционные силы не могут и не знают, как жить по-новому. В эпоху застоя у власти и оппозиции в ходу один и тот же миф о фатальной предопределенности судьбы страны и в этом смысле ее «особом пути».

Для властей создание в обществе атмосферы предопределенности, невозможности изменить ситуацию к лучшему усилиями граждан – важнейшее средство самосохранения.

Какая-то часть либерально ориентированной интеллигенции, отвергая идею «особой цивилизации» как «тысячелетнего величия России», охотно принимает тот же миф в другой упаковке – как цивилизацию «тысячелетнего рабства».

Итак, ныне можно выделить как минимум три основных типа апологетов идеи цивилизационной предопределенности «особого» исторического пути или колеи России.

Первую группу можно назвать *охранительной*. Это прежде всего представители «силовой ветви» властной элиты. Именно они чаще других ссылаются на культурную предопределенность судьбы России в стремлении легитимировать этой предопределенностью свой политический курс на повышенные полномочия государственной бюрократии в системе управления.

Другая группа – *«пессимисты»*, представленные в большинстве своем деятелями, позиционирующими себя как либеральные мыслители. Для них культурная предопределенность, «особая цивилизация» являются объяснением и оправданием бездействия или неэффективных действий либеральных сил. Именно в этой группе популярна идея: «Россия – страна рабов».

Третью группу составляют наиболее *радикальные защитники цивилизационного национализма*. Именно их идеи все чаще усваивают – за неимением собственных – представители первой группы (политического истеблишмента). Представителей же второй группы («пессимистов») вообще нет смысла относить к носителям идей национализма, в крайнем случае, их можно назвать цивилизационными националистами поневоле. Они, безусловно, не заинтересованы в противопоставлении российской цивилизации любым иным. Они вовсе не считают западную цивилизацию «чуждой» и «враждебной» России. К идее «особой цивилизации» их подтолкнуло разочарование в надеждах на быстрые и заметные перемены в демократическом и гуманистическом развитии России. Все более сомневаясь в возможности модернизации нашей страны, «пессимисты» ищут объяснение этому в особенностях российской цивилизации. Поэтому мы исключаем эту группу из нашего анализа, сосредоточив внимание

на разных моделях «прагматического», идеологически ангажированного национализма, и в особенности представителях его наиболее радикальных течений.

Теоретические построения последних базируются на следующих постулатах:

- существует особая русская цивилизация, и она определяет неизбежность не просто ведущей роли государства в политической системе, но и особой роли персоны лидера нации, ее вождя или монарха¹⁴;
- естественной территориально-политической формой такой цивилизации выступает империя¹⁵;
- ведущую роль в империи должен играть русский народ, и это должно быть так или иначе закреплено законодательно¹⁶.

Это идеологическое направление, которое и является основным предметом нашего анализа, в свою очередь, распадается на множество течений.

Политические течения цивилизационного национализма

Разумеется, не все представители этого направления явно декларируют свою приверженность «особому пути», и еще меньше тех, кто использует сам термин «цивилизационные особенности» для построения своих теорий. Мы выделяем как цивилизационных националистов именно тех авторов и те группы, у которых можно обнаружить перечисленные выше три признака цивилизационного национализма.

«*Красные патриоты*» – прокоммунистическое крыло цивилизационного национализма. Исторически появилось первым в постсоветской России, в самом начале 1990-х годов (тогда оппоненты именовали их «красно-коричневыми»). Для идеологов этого направления «особая цивилизация» – это империя в границах бывшего Советского Союза (может быть, с теми или иными коррекциями, но СССР видится как основа легитимации будущей России), облеченная миссией победить империю Запада (ее еще называют «евроатлантической» или «американской»). Такая миссия обусловлена национальным характером русского народа, движимого идеалами коммунизма (вариант: ра-

венства и соборности, удачно воплотившимися в коммунизме) и создающего новую великую империю. Примечательно, что коммунистические идеалы рассматриваются этой весьма экзотической, но до сих пор широко распространенной доктриной не как заимствования западного марксизма, а как проявления национального «русского духа». С декларации подобных идей начинали свою деятельность многие организации «красных патриотов». Это ранняя «Память», а затем и множество так называемых «фронтов» борьбы с западным капитализмом начала 90-х – Объединенный фронт трудящихся, Союз офицеров, Фронт национального спасения и др.¹⁷ Затем та же линия была продолжена в КПРФ и создаваемых ею коалициях с националистами. Однако ностальгия по СССР постепенно слабела, и хотя КПРФ сумела к концу 90-х подмять всех конкурентов по «красно-патриотическому» сектору, политический вес партии начал уменьшаться.

Черносотенцы – крайне правые, православно-националистические организации, подчеркивающие свою историческую связь с аналогичными в идейном плане организациями царской России¹⁸. В 1905 году сформировалась организация под названием «Черная сотня», выступавшая за политическое закрепление доминирующей роли русского православного населения в империи Романовых. Эту же идею поддерживают и их наследники в современной России. В 1992 году ими была создана организация «Черная сотня» и основана газета под тем же названием, позже предпринималось несколько попыток возродить дореволюционный Союз русского народа.

Если «красные патриоты» призывают возродить относительно недавнюю советскую империю, черносотенцы выступают за возрождение империи дореволюционной, то есть их проект является гораздо более утопическим. На волне массового отторжения от всего советского в начале 90-х фантастичность этих планов была не столь очевидна, но черносотенные организации (в первую очередь – Национально-патриотический фронт «Память» и некоторые его порождения, включая ту самую «Черную сотню») стали быстро слабеть. Черносотенство существует до сих пор, но его организации, в первую очередь – несколько версий объединенного, но уже расколовшегося Союза русского народа, выглядят очень слабо.

Православные фундаменталисты. Одной из видимых причин стратегической неудачи черносотенной пропаганды была ее непо-

нятность широким кругам сограждан: архаичная православная и монархическая риторика кого-то притягивала, но большинство отталкивала. Но по мере роста и интеллектуального укрепления (пусть только относительного) околочерковной общественности у черносотенцев нашлась новая аудитория, и они сошлись с совсем новыми активистами – православными фундаменталистами. Последние тоже были отнюдь не чужды этническому русскому национализму, но главным для них было другое – битва с Антихристом, проявляющим себя, например, в навязываемых постсоветскими властями в подражание Западу символах (товарные штрих-коды, ИНН и т.п.). Особая же роль России понималась в религиозных терминах: Россия – престол Богородицы, последний оплот веры в мире, погружающемся в апостасию, и т.д. Так на рубеже 1990-х и 2000-х годов сформировалось довольно заметное движение русских православных фундаменталистов¹⁹. Руководству РПЦ (против которого в первую очередь выступали фундаменталисты) удалось ослабить это движение, и оно так и не стало (возможно, пока) важным фактором российской политической сцены, хотя и внесло свою лепту в националистическую повестку дня.

Неоевразийцы – еще одно откровенно антизападническое политико-идеологическое течение, сложившееся в середине 1990-х. Оно неразрывно связано с именем Александра Дугина, политические взгляды которого неоднократно менялись. Но дело, собственно, не в его взглядах, а в удивительной роли, которую сыграл этот человек в становлении русского национализма²⁰. До 1998 года он был ведущим идеологом Национал-большевистской партии. Позже Дугин сумел воспользоваться тем, что некие весьма приблизительные представления о евразийстве²¹ – как о двойственной русско-тюркской и православно-мусульманской сущности России – широко распространились в политическом истеблишменте. Взгляды самого Дугина при этом всегда были ближе отнюдь не к классическому евразийству, а к западным «новым правым», что позволяет охарактеризовать эти взгляды как неонацистские. Отказавшись от былого радикализма (отнюдь не полностью, конечно, речь идет скорее о перемене имиджа) Дугин стал успешно эксплуатировать эти банальные антизападные представления, выдвигая себя на роль интеллектуального гуру уже не для нацболов, а для чиновников различного ранга. Со-

зданные им в начале 2000-х организации «Международное евразийское движение» (МЕД) и «Евразийский союз молодежи» эфемерны и малолюдны, но список руководства МЕД впечатляет избытком статусных деятелей²². А главное, его идеи в той или иной мере используют все перечисленные отряды русского национализма, как бы они ни относились к самому Дугину. При всех изменениях его политических взглядов две основные идеи повторяются в его работах как заклинания: необходимость построения Евразийской империи, по крайней мере в масштабах бывшего Советского Союза, и противостояния так называемому «англосаксонскому либерализму»²³.

Неонацистские группировки. Сейчас русские неонацисты – это ориентированное на молодежную среду и наиболее агрессивное движение. История русского неонацизма уходит еще в советское время, но и тогда, и в 90-е годы неонацизм был не настоящим, а скорее имитационным. Организации, которые чаще всего заслуживали звание «русских фашистов», даже если сами называли себя фашистами или нацистами, в большинстве случаев не были таковыми, опирались на эклектичные идеологии и были непохожи ни на классические нацистские организации, ни на послевоенных западноевропейских неонаци. В первую очередь это относилось к Русскому национальному единству (РНЕ), которое в середине 90-х годов подмяло под себя или вытеснило почти все группировки радикальных русских националистов. РНЕ одобряло Гитлера, но культивировало традиционный русский патриотизм, организация числилась православной, но взгляды лидера и многих активистов были чрезмерно экзотичны для того, чтобы принять такую самоидентификацию, и т.д. РНЕ было военизированной организацией, но вовлеченной в сравнительно небольшое (для ее огромного размера – до 15 тыс. человек в лучшие времена) количество насильственных акций. В 2000 году РНЕ развалилось на много мелких организаций – отчасти под давлением властей, отчасти из-за собственной бездеятельности²⁴.

Крах РНЕ обозначил некую общую политическую тенденцию: тупиковое состояние радикального русского этнического национализма, сложившегося в 90-е годы. Их пропаганда больше не действовала на массы. Она не давала прироста их организациям. Они все больше теряли поддержку избирателей на выборах, к тому же с начала 2000-х годов и сами выборы стали сугубо имитационными, не от-

ражающими реальными общественными настроениями. Военизированные структуры утратили смысл – их негде было применить в условиях политической демобилизации общества. И наконец, часть лозунгов националистов в эти годы была перехвачена властями. В таких условиях радикальный национализм принялся искать новые формы.

Одним из проявлений этого поиска стал быстрый рост движения наци-скинхедов. Зародилось это движение в середине 90-х годов в России и изначально было построено на копировании западноевропейских движений наци-скинхедов. Такое копирование подразумевало, во-первых, изучение и воспроизведение неонацистской идеологии White Power (мнение, что скинхеды – это сплошь тупые хулиганы, было сильным преувеличением уже тогда), во-вторых, освоение внешних проявлений субкультуры западных ультраправых (в одежде, музыкальных стилях, формах и стиле поведения в публичной сфере) и, в-третьих, демонстрацию активности – систематическое (в идеале) уличное насилие против любых «инородцев» (сперва приоритетны были акции против чернокожих, так как так делали в Европе, потом – против выходцев с Кавказа, еще позже – против людей с внешностью представителей коренных национальностей Центральной Азии).

Активность наци-скинхедов постоянно нарастала, и в начале 2000-х масштаб их преступлений был таков, что его уже нельзя было не заметить. Еще через пару лет, в середине десятилетия, неонаци стали не просто заметной, но и самой активной и многочисленной частью русского националистического движения. Их перевес был столь очевиден, что с тех пор ни один националистический проект, претендующий на не маргинальную роль, не может без них обойтись²⁵.

В последние годы проявились некоторые признаки ослабления моды на субкультуру скинхедов, по крайней мере в крупнейших городах страны. Усиливается и давление власти на организации скинхедов, ужесточается их преследование правоохранительными органами. Тем не менее это движение остается заметной силой, сохраняющей свой воинственный и анархический характер, проявляющийся в организационной структуре движения. Оно представляет собой множество небольших автономных групп (зачастую менее десятка бойцов), которые поддерживают преимущественно горизонтальные и часто заочные связи друг с другом. Иногда возникают иерархические сетевые

организации – такими были «Объединенные бригады 88» в начале десятилетия, сейчас таково движение Nazi Straight Edge. Бывали и попытки создать большие политические организации, самой крупной из которых было Национал-социалистическое общество (НСО), активно выступавшее с 2004 года и на политической сцене (местные выборы, «Русский марш»), и в уличных нападениях и убийствах. НСО, однако, было разгромлено правоохранительными органами в 2007–2008 годах. Сейчас идет процесс запрета последней крупной легальной организации неонаци – Славянского союза (СС). В силу указанных причин неонацистское движение снова возвращается к форме автономных, горизонтальных и законспирированных структур.

Попытки русских националистов сойти с «особого пути»

Ввиду аморфного характера нынешнего неонацистского движения не просто говорить о его идеологии. Но, не претендуя на полный контент-анализ производимых этим движением разнородных текстов (хотя такая работа должна еще быть проделана), можно определенно сказать, что при переходе от патриотического синкретизма РНЕ к идеологии White Power были утрачены основополагающие признаки русской версии цивилизационного национализма.

White Power – новое для России идейное течение, и оно не поддерживает традиционный лозунг постсоветского русского национализма: назад к империи. Наци-скинхеды не только не выдвигают имперских требований расширения территории, но и не поддерживают идею «удержания территории». Напротив, они заинтересованы в отделении от России этнически («расово» – в их понимании) чуждых территорий – а именно Северного Кавказа. Они позиционируют себя как обороняющаяся сторона – обороняющаяся от «нашествия» иммигрантов и вообще неславян (редко, но упоминается также и исламская экспансия; неонаци обычно равнодушны к религии, будь они неверующие, православные или неоязычники).

Неонаци все меньше верят в «фюрер-принцип», так как разочарованы в деятельности уже выдвигавшихся фюреров – А. Баркашова (РНЕ), Д. Румянцева (НСО), Д. Демушкина (СС) и т.д. Но, разумеется, они не поддерживают и идей либеральной демократии. Как

уже отмечалось, они – стихийные анархисты, и многие из них так себя и позиционируют.

И наконец, само представление об «особом пути» России скинхедам глубоко чуждо. Они ориентируются на White Power и признают необходимым союз (пусть не дружественный, но вынужденный) «белых народов» против всех остальных. Их идеал – этнически чистое в своем самоопределении (существование подчиненных этнических групп допускается) государство в ряду таких же других государств. Более того, они верят, что именно так в идеале должно пониматься «национальное государство» и в Западной Европе. Так, по их мнению, там и было бы, но мешает «проклятая политкорректность». Это не буквальная цитата, но она отражает суть мысли, которую мы не можем дословно процитировать в силу того, что подлинник основан на ненормативной лексике.

В то же время российским неонаци не чужды идеи цивилизационного национализма, но не в классической российской их редакции, а в версии, сложившейся в Третьем рейхе, – как цивилизации белой арийской расы, призванной господствовать в мире. Разница лишь в том, что немецкие нацисты исключали славян, в том числе и русских, из числа арийских народов, а русские неонацисты не сомневаются в необходимости доминирования в России этнических русских (определяемых чаще всего по крови, хотя некоторые готовы смягчить критерии, тем паче, что и сами неонаци вполне могут быть с неславянскими фамилиями).

Движение наци-скинхедов, даже постепенно отказываясь от весьма специфической скинхедской стилистики, все равно остается неприемлемым для широкого круга граждан, которые, в принципе, могли бы стать опорой русского национализма. Отталкивают открытые симпатии к Гитлеру, явно видимые иностранные корни движения, еще более явное равнодушие (а чаще – открытое пренебрежение) к сложившимся уже традициям националистического дискурса – все это требует слишком радикальной перестройки от потенциальных сторонников. Не зря движение неонаци остается преимущественно молодежным, но и в молодежной среде его рост затормозился.

К началу 2000-х годов в националистической среде ощущалась потребность в другом варианте национализма, приемлемом как для на-

ци-скинхедов, так и для более консервативных в своих поведенческих и ментальных привычках граждан. Эту потребность попыталось использовать Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), появившееся на политической сцене России в 2002 году. Оно предложило русской молодежи, а затем и не только молодежи, проверенный еще РНЕ и популярный продукт в виде лозунга: «Россия для русских». ДПНИ яснее, чем неонацисты, сформулировало образ основного врага русских: формально это иноэтничные иммигранты, а фактически все «иностранцы». «Мигрантофобия» стала не только общепонятной, но и легальной версией националистической пропаганды: ее можно было формулировать не в этнических терминах и выступать практически в унисон с множеством чиновников, рассуждающих о необходимости ограничения иммиграции (со столь же прозрачными этническими коннотациями). Первоначально ДПНИ не выступало с какими-либо политическими декларациями, кроме единственной и главной идеи – обеспечения господства этнических русских в стране, и это также обеспечило симпатии к ДПНИ у многих сторонников иных групп и течений русских националистов, включая наци-скинхедов, поскольку такая простота повестки позволяла избегать идеологических расколов, давно признанных одной из главных проблем движения русских националистов. Поначалу ДПНИ проявляло лояльность к властям, что заметно уменьшило давление на него со стороны правоохранительных структур. ДПНИ не выглядело как подражательный, привнесенный с Запада политический феномен, и в то же время лидер ДПНИ Александр Белов справедливо ссылался на то, что основное требование ДПНИ идентично основному требованию европейских ультраправых, в том числе соответствующих парламентских партий, и это придавало движению солидности. При этом ДПНИ неразрывно связано с предшествующими течениями русского национализма: сам А. Белов – выходец из Национально-патриотического фронта «Память» и до сих сохраняет связи с ним.

В то же время во второй половине первой путинской каденции растущая популярность в России идей национализма превратила их в ценный политических ресурс, который не мог быть оставлен без внимания большинством российских политических партий антилиберальной направленности. КПРФ, которая еще в 90-е годы осваивала идеи цивилизационного национализма (формально не отказыва-

ясь от традиционной для левых сил идеи интернационализма), в 2002–2003 годах переживала подъем этнонационалистической риторики. Либерально-демократическая партия В. Жириновского, почти утратившая всякую идейную окраску к исходу 90-х, в первой половине 2000-х снова стала педалировать идею русского национализма, соединенного с социальным популизмом (и выдвинула на выборах в Думу пятого созыва лозунг: «Мы за бедных, мы за русских»).

А власти к парламентским выборам 2003 года создали сначала избирательный блок «Народно-патриотический союз “Родина”», а затем и партию «Родина». Этот проект поначалу можно было считать вполне удачным для его конструкторов, но, несомненно, у них вскоре появились сомнения, не слишком ли он успешен. Триумфальное выступление «Родины» на выборах 2003 года (9% голосов у только-только созданного блока, отнятых в значительной степени у главной оппозиционной силы – КПРФ) продемонстрировало не только популярность ее национал-популистской риторики: ведь и КПРФ выступала по сути довольно сходным образом. Отличие от КПРФ было скорее в форме: «Родина» была откровеннее и выглядела свежо, то есть выборы показали также и популярность идеи новой партии как таковой. Рост партии «Родина» был просто ошеломляющим: по итогам проверки, проведенной Федеральной регистрационной службой (апрель 2006 года), партия насчитывала 135 тыс. членов и являлась второй по величине политической партией в России, уступая только основной партии власти – «Единой России». «Родине», первоначально лояльной властям, разрешалась откровенная национал-популистская риторика, явно оставившая позади и КПРФ, и партию В. Жириновского, слишком рутинно исполнявшего роль главного официального националиста. И этноксенофобная, и оппозиционная риторика «Родины» первоначально сдерживались уже самим фактом связи этой партии с Кремлем. Мы еще остановимся на объяснении двойственной позиции российской власти по отношению к национализму, а пока отметим, что вовсе не рост агрессивности националистических, ксенофобных идей привел в конце концов к краху партии «Родина». Это произошло именно в силу того, что партия стала выходить из повиновения. Тогда сами конструкторы этой партии ее и разрушили²⁶.

Идеология «Родины» с трудом поддается интерпретации, так как в одной партии собрались слишком разные люди. Были там и явно

левые деятели (О. Шеин), и консервативные православные националисты (А. Крутов и др.), и социально ориентированные консерваторы (С. Глазьев), и типичные адепты «особого пути русской цивилизации» (Н. Нарочницкая), и деятели, стремящиеся к чистоте расово понимаемого этнонационализма (А. Савельев). Все это многообразие так и не сложилось (да, наверное, и не могло сложиться) не только в единую идеологию, но даже и в общую партийную риторику. Зато четко прозвучал главный меседж «Родины», идентичный меседжу ДПНИ – за этнизацию Российского государства, против мигрантов (под которыми в общественном дискурсе устойчиво понимаются отнюдь не любые переселенцы, а именно «понаехавшие» этнические нерусские в «традиционно русских» регионах).

Пока партия действовала, она активно привлекала оппозиционеров самого разного толка, в том числе и активистов складывающихся сетевых националистических структур. Даже неуправляемые анархические наци-скинхеды рассматривались «Родиной» как приемлемый актив. И здесь возникала естественная конкуренция с ДПНИ, уже претендовавшим на него.

Само ДПНИ тем временам быстро росло, создавая небольшие, но активные ячейки во многих регионах и сотрудничая с полуподпольными неонацистами. Связанное с радикалами, не признаваемое властями, несмотря на всю изначальную лояльность, движение было обречено на дрейф в сторону политизации. Триумфальный первый «Русский марш» 4 ноября 2005 года сделал ДПНИ широко известным и укрепил амбиции, а апогея они достигли после беспорядков в Кондопоге почти год спустя, представленных ДПНИ как собственный успешный проект. Превращение в оппозиционную политическую организацию было почти неизбежным. И как раз в это время, в середине 2006 года, развалилась «Родина», и значительная часть ее лидеров и актива стала естественным союзником ДПНИ в этом процессе. Это были представители наиболее националистического ее крыла, отказавшиеся от вхождения во вторую по значению партию власти – «Справедливую Россию». Так возник проект партии «Великая Россия». Ее основой должны были стать в первую очередь ячейки ДПНИ, а лидером – радикальный этнонационалист и тогда еще депутат Госдумы Андрей Савельев. Но власти не поддержали этот проект и, следовательно, в современных российских условиях обрекли его на

провал. «Великая Россия» быстро сошла со сцены, а ДПНИ с тех пор подвергается нарастающему давлению властей. Оно оказалось загнанным в непримиримую оппозицию, сейчас находится в тяжелом кризисе и вряд ли сможет снова стать знаменем русского этнонационализма, каким оно было в 2005–2006 годах. Но его идеи и методы подхвачены другими.

Так, в 2009 году быстро поднялась группировка «Русский образ», фактически повторявшая путь раннего ДПНИ, подчеркивающая свою неопозиционность и еще теснее связанная с неонаци. Эта группировка, так же как ДПНИ и «Родина», делает упор на соединение национализма и социально популистской риторики. Подъем «Русского образа» был заторможен только арестом двух причастных к этой организации людей по обвинению в убийстве адвоката и антифашиста Станислава Маркелова, но если и «Русский образ» будет маргинализован так же, как до него ДПНИ, попытки повторить успех ДПНИ, скорее всего, будут продолжены.

Политически проблематично, конечно, создать движение, которое сможет вырасти и не стать оппозиционным или, по крайней мере, не быть воспринятым как таковое в Кремле. Но опыт политического конструирования, представленный в истории ДПНИ, может оказаться перспективным в идеологическом плане.

Адепты чистого этнонационализма даже выпустили в 2010 году первый номер журнала «Вопросы национализма» под редакцией Константина Крылова, который вообще исключает идеологов империи из числа русских националистов²⁷. Об этой коллизии мы еще поговорим, пока же заметим, что у сторонников чистого этнического национализма есть преимущества по сравнению с другой ветвью цивилизационного национализма – державно-имперского. У этнических националистов есть практически неистребимая горизонтальная структура, включающая самых разных людей, от бизнесменов и молодых профессионалов до уличных бойцов. И у них есть идея, привлекательная для многих, – сделать Россию «нормальной», «как у всех», этнонациональным государством, в котором доминирующую роль будут играть этнические русские.

«Русская доктрина» как наглядный эксперимент по формированию официальной идеологии цивилизационного национализма

Идейный продукт, который производят в России все политические группировки, именующие себя защитниками российской «особой цивилизации», может быть сведен к *двум основным разновидностям*. Первая включает в себя сугубо пропагандистские, идеологические тексты, в которых идея цивилизационной предопределенности постулируется без обоснований, по принципу «как известно». Вторая разновидность продукции цивилизационного национализма – это научные концепции. И те и другие построения служат формой идеологического запрета на заимствование или выращивание демократических институтов в России. Мы попытаемся обосновать этот вывод, начав наш анализ с откровенно пропагандистских доктрин.

Одна из них – «Русская доктрина», манифест так называемого «русского консерватизма», идейно сплотивший различные политические круги антилиберальной и антизападной направленности²⁸. Доктрина последовательно презентовалась в разных аудиториях в 2005–2007 годах. В частности, она была предложена несостоявшейся партии «Великая Россия», и та взяла ее за основу своей программы. В какой-то момент даже показалось, что доктрина вот-вот получит официальное одобрение. Она начала всерьез рассматриваться некоторыми деятелями Центра социально-консервативной политики (ЦСКП) – одного из трех идеологических клубов «Единой России». Одновременно о доктрине одобрительно высказался идеолог (и будущий патриарх) Русской православной церкви митрополит Кирилл²⁹. Но интерес и в ЦСКП, и в руководстве РПЦ к «Русской доктрине» быстро угас, как только стало ясно, что не будет никакой санкции свыше на продвижение столь амбициозного продукта, разработанного вне прямого контроля Кремля.

«Русская доктрина», как и большинство текстов такого рода, созданных в 2000-х годах, чрезвычайно эклектична и сочетает в себе идеи «левые» и «правые», «русские» и «евразийские». Наиболее принципиальной и последовательной позицией этой доктрины выступает негативная консолидация, постоянное обращение к образу врага. Как отмечает известный российский исследователь Г. Зверева,

«Русская доктрина» буквально пронизана оппозициями «мы – они», «свои – чужие», «Россия – Запад», «либерализм – консерватизм» и др. Базовые слова этой доктрины – «русская цивилизация», «русский дух», «православие», «национальное русское государство». Все это, по мысли авторов, политические и культурные явления, принципиально не похожие на западные.

Текст доктрины не оставляет ни малейших сомнений в трактовке «особой цивилизации» именно как русской – этнически русской. Авторами доктрины общество «мыслится как живой социальный организм, основу которого составляет государствообразующий русский народ – русские»³⁰.

А какое место предоставляется другим народам? В доктрине они называются «иноплеменниками» и им дается почетный, по мысли авторов, статус «родственников», разумеется, младших, признающих «родоначальника и основателя дома». Таким образом, советскую идею народов как старших и младших родственников авторы позаимствовали, но развили, переведя русских из старших братьев в родоначальники. А вот советскую же концепцию интернационализма доктрина отвергает вовсе – как «игнорирующую иерархию этнокультурных ценностей России». При высоком пиетете к советскому прошлому, к «достижениям советского строя» доктрина отвергает и такую советскую традицию, как федеративное устройство страны. Россия мыслится как унитарное государство («сетевая империя») с вертикальным управлением («национальное самодержавие») и делением страны только по административному признаку, т.е. без национальных республик.

Перед нами стандартная этнонационалистическая программа, обосновывающая доминирующие права одного народа и одной религии в политической системе государства. При чем же здесь «особая цивилизация»? Цивилизационная оболочка должна, по мысли авторов, не только придать их концепции некое наукообразие, но и вооружить ее дополнительным аргументом в доказательстве предопределенности именно такого пути: «Мы иначе не можем: цивилизация не позволяет». Есть здесь и важный «психологический» момент: многим людям в России в силу сложившегося словоупотребления сложно признать себя националистами, а вот сторонниками «особой цивилизации» – без проблем. И наконец, идентификация «мы» вы-

глядит куда солиднее, если это не «нация» (наций-то много), а «цивилизация».

«Русская доктрина» позиционирует себя как политтехнологический проект, программа прихода к власти так называемых национал-консервативных сил. Но именно в качестве этнополитического проекта эта доктрина неосуществима. Она выступает за интеграцию народов России вокруг идеи особой русской цивилизации, но если определять цивилизацию в этническом ключе, количество «цивилизаций» начинает стремительно умножаться. Мы и так уже имеем целую гроздь других обособительных концепций – региональных и национальных цивилизаций. Кавказские (по самоидентификации) авторы пишут о «кавказской цивилизации»³¹, татарские – о «тюркской», «тюрко-татарской» или «мусульманской цивилизации»³². В адыгской среде заговорили об «адыгской цивилизации», у чувашей возникла идея «болгаро-чувашской цивилизации», а у якутов – «цивилизации народа саха»³³. Вот вам и единая русская (или хотя бы евразийская) цивилизация.

Заблудившиеся в «матрице»

Идеология цивилизационного национализма в той или иной мере подпитывается теоретическими разработками известных ученых. Один из них – А.С. Панарин³⁴, академические заслуги которого не подлежат сомнению, а нонконформизм и научная смелость, неоднократно проявлявшиеся в советские годы, вызывают уважение. На рубеже 1980 – 1990-х годов, когда в обществе господствовали ощущения отклонения России от пути «нормальной цивилизованности», А. Панарин призывал к «расширению горизонта собственного бытия» и «гуманистическому универсализму». Он выступал против подхода, «расчленяющего единство человеческого рода», за «универсалистскую перспективу общечеловеческого спасения и совместного будущего»³⁵. После событий октября 1993 года А. Панарин резко сменил курс и заявил о крахе ожиданий возвращения в «европейский дом». Разочаровавшись в возможности либеральных реформ в России, философ сблизился со сторонниками неоевразийской идеологии и антиглобализма. В это время основной идеей для А. Панарина стала «православная цивилизация», предопределяющая

извечный путь России как надэтнической империи, как авторитарного государства, принципиально отличающегося от западных демократий. В обоснование этого фундаментального отличия А. Панарин предложил концепцию двух типов ментальности – западной и восточной (евразийской)³⁶.

В отличие от политических технологов, которые лишь постулируют некую цивилизационную предопределенность пути России, философ А. Панарин пытается обосновать свою идею. По его мнению, особенности европейского (западного) и восточного сознания принципиально различны и развиваются, не пересекаясь, как параллельные миры. Западный менталитет – эволюционный, темпоральный (т.е. зависимый от исторического времени). Он устремлен в будущее, ориентирован на достижительность и мобильность, поэтому соответствует прогрессистскому мышлению («опередил – отстал»). Восточный же (евразийский) менталитет – больше пространственный и горизонтальный, он обуславливает неспешность евразийских народов, их склонность к патернализму и жизни в больших империях. По сути, эта концепция воспроизводит содержание забытой уже дискуссии эволюционистской и диффузионистской школ в антропологии, которая завершилась признанием локальных цивилизаций в качестве пространственного выражения стадийных типов. В такой трактовке евразийская и западная цивилизации представляют собой всего лишь разные стадии единого процесса. Так оно и было в истории, ведь европейцы в прошлом были такими же «пространственными традиционалистами», как многие народы Азии ныне.

Известный исследователь античности А.Ф. Лосев пишет о статичности эллинского сознания. Оно обращено к прошлому, миром правит судьба, которой подвластны не только люди, но и боги, и, следовательно, не остается места для исторического развития. «Золотой век», по представлениям древних греков, позади, мир не движется, по крайней мере, он не претерпевает качественные изменения. Древние греки кажутся людьми, которые «пятятся к будущему», движутся навстречу ему «спиной вперед»³⁷. До эпохи Возрождения Европа не знала понятия будущего. Существовали лишь понятия «потом» и «позднее», но образа будущего как желаемого и планируемого времени не существовало. Все ценности соотносились с традиционным канонам, позитивная оценка человека означала, что он

соблюдает правила, установленные отцами и дедами. По сути, лишь в Новое время родившаяся в Европе модернизация обусловила появление идеи будущего.

Трудно назвать убедительными аргументы другого апологета «особого пути» Светланы Кирдиной. Развивая идеи институциональной экономики, она забрела на тупиковую, с нашей точки зрения, тропу культурного детерминизма и «открыла» два социетальных типа общества или, как она это определила, две доминирующие социетальные матрицы. В одной из них «я» преобладает над «мы», а в другой, наоборот, – «мы» над «я». И опять же свойства матрицы, по ее мнению, закреплены навечно. «Именно доминирующая матрица, – пишет она, – отражает основной способ социальной интеграции, стихийно найденный социумом в условиях проживания на данных пространствах, в определенной окружающей среде»³⁸.

Казалось бы, чего проще найти прародину некой цивилизации, описать специфические условия жизни социума, и все в порядке – гипотеза о стихийно найденных и почему-то навечно закрепившихся способах адаптации доказана. Однако при проверке эта гипотеза оказывается дырявой во всех своих звеньях. Изменяющиеся условия приводят либо к изменению способов социальной интеграции, либо к появлению квазитрадиций, лишь похожих на прежние. И даже простейшая на первый взгляд задача определения времени и места зарождения доминирующей матрицы чаще всего оказывается неразрешимой.

Многие народы, которые А. Панарин и С. Кирдина относят к разным типам по их «извечной ментальной сущности», сформировались в одних и тех же условиях. Скажем, финны, по А. Панарину, принадлежат западному типу, это «темпоральные прогрессисты», тюркские же народы – к евразийскому, они «пространственные традиционалисты». Но ведь и те и другие относятся к одной и той же алтайской семье, сформировались на Алтае и лишь по прошествии веков стали расселяться из Азии в Европу. Финны вкупе с уграми по происхождению – такой же евразийский народ, как русские, которые исторически расселялись в обратном направлении – из Европы в Азию.

Так когда же и в каком регионе сложилась «изначальная сущность» евразийской цивилизации? А если этих начал было несколько, то какие же они вечные? Если однажды народы меняли истори-

ческую колею, то что ограничивает возможность таких перемен в другие эпохи?

Идея вечности и неизменности культуры предполагает неизменность и замкнутость жизни. Но такой изолированности никогда не существовало, за исключением разве что некоторых племен в джунглях Амазонки, в пустыне Калахари или в других труднодоступных районах. Народы мигрировали, и в процессе миграции менялись условия их существования. А раз менялись условия, то и народы менялись вместе с ними. Вначале у той же алтайской группы был общий культурный код, единый язык, адаптивность к одним и тем же природным условиям. Но условия жизни в Алтайских горах и условия жизни в Финляндии или Венгрии совершенно разные, и к ним люди по-разному приспособивались. Однако и обустроившись на новых местах, народы постоянно сталкивались с волнами иноэтнических нашествий и переселений. Вследствие этого множество народов круто изменяли этническую подоплеку своего существования. Например, нынешние англичане и французы сначала были кельтскими народами, потом они романизировались, затем оказались под влиянием германских народов. Однако характер заимствований оказался разным. У англичан от кельтского периода осталось название государства (Британия), от германского – язык. Французы не сохранили свое первичное кельтское самоназвание (галлы), приняли название германских племен франков, но их литературный язык, в отличие от англичан, входит в состав романской группы. Болгары исторически выбрали тюркское самоназвание, но сохранили славянский язык и славянское самосознание. И в таком котле непрерывного культурного этногенеза и трудно объяснимой комбинации разных культурных корней в языке, самоназвании и самосознании народов С. Кирдина хочет найти основу незыблемой матрицы и извечного культурного кода?

Поразительные нестыковки наблюдаются и при попытках локализовать «русскую (евразийскую) цивилизацию» во времени. Например, директор Института российской истории академик А.Н. Сахаров проводит различие между «русской цивилизацией», сложившейся, по его мнению, в X–XIII веках, и «евразийской державой», или многонациональным государством, возникшим к концу XV века при Иване III. В это время должна была сложиться и ев-

разийская цивилизация. Однако в другом своем труде он говорит о возникновении евразийской цивилизации лишь в XVIII веке. Африканист Ю.М. Кобищанов заявляет, что «русская цивилизация» сложилась в XVI–XVII веках, тогда как в XVIII веке ее место заняла «петербургская разновидность западной цивилизации», на смену которой позднее пришла «советская цивилизация». Руководители Союза реалистов и клуба «Реалисты» еще только призывают «приступить к формированию евразийской, славяно-тюркской цивилизации»³⁹. Поскольку критерии выделения русской (евразийской) цивилизации сугубо произвольные и каждый ее конструктор предлагает собственный набор таких критериев, то нет ни малейшей надежды на то, что участники этого увлекательного конструирования когда-нибудь договорятся о времени возникновения особой цивилизации.

Единство и борьба противоположностей в русском национализме

Как уже отмечалось, в русском цивилизационном национализме парадоксально соединяются три разные и, казалось бы, плохо сочетаемые друг с другом идеи: имперская идея (в русском языке – «державничество»), этнический национализм и собственно идея развития и конфликта сверхнациональных цивилизаций.

В теории нации и национализма имперский и националистический принципы являются антиподами уже потому, что национализм как политическое течение предполагает суверенитет народа-нации, тогда как имперский режим – это суверенитет власти (империи). Однако в реальной исторической практике такого жесткого противопоставления двух принципов не существовало. Лишь националистические движения этнических меньшинств могли, и то только на определенных этапах своей активности, придерживаться классических норм национализма. Что касается националистических движений, выступающих от имени этнического большинства империй, то они чаще всего поддерживали идею сохранения державы как тела нации и ее имперского режима как стержня нации. По крайней мере, в империи Романовых, в поздней фазе ее существования, возникли, как мы уже отмечали, именно такие русские националистические

движения (радикальный их вариант – Союз Михаила Архангела, Союз русского народа и др.). И в настоящее время немалая часть русских националистических организаций признает одновременно и доминирующую роль этнических русских в политической системе России, и идеалы имперского ее устройства. Вот, например, пытается теоретизировать обычно избегающий этого занятия лидер ДПНИ А. Белов: «Да, у России – имперская судьба... Русское сознание неизбежно, фатально тяготеет к предельному и запредельному, а значит, русские обречены на экспансию, на расширение границ русского мира... И потому любая государственность, которую русские будут строить, так или иначе окажется Империей»⁴⁰.

Вместе с тем сохраняются и различия двух принципов. Так, рост этнической подозрительности плохо сочетается со стремлением удержать народы в едином государстве. Лозунг «Россия для русских» абсолютно противоположен традиционному имперскому лозунгу «Все народы – подданные одного государя» (с необходимыми вариациями, если империя – не монархия). В современной политической жизни то и дело вспыхивают горячие дискуссии между имперцами (они же – державники) и русскими этнонационалистами. Державники утверждают, что русский национализм для имперского возрождения вреден и даже ведет к распаду России. Этнонационалисты отвечают, что имперский режим в прошлом высосал из русского народа всю кровь, а ложные наднациональные доктрины лишь мешают созданию этнонационального государства, в котором русский народ будет признан наконец единственным государствообразующим. Кроме того, этнонационалисты упрекают имперцев в нетвердости их этнонациональной идентичности и даже в недостаточной расовой чистоте, дескать, они «полукровки»⁴¹.

Цивилизационный национализм в какой-то мере примиряет обе стороны, выдвигая на первый план общие как для державников (имперцев), так и для русских этнонационалистов ценности, вытекающие из важнейшей для цивилизационного национализма идеи об изначальности базовых культурных характеристик автономных групп человечества. Вот и оба рассматриваемых нами течения исходят из примордиалистского представления об этнических свойствах как якобы навечно генетически прикрепленных к телу народа-этноса, а в числе этих свойств одно из первых мест занимает представле-

ние о будто бы извечной склонности русских людей к имперскому режиму и имперскому величию. «Наше тяготение к твердой руке, – пишет М. Юрьев, – обусловлено не столько хаосом в нашей общественной жизни, сколько глубоко укорененной внутренней потребностью русских людей»⁴². Это говорит один из самых радикальных сторонников создания новой империи. Далее, и державники, и этнонационалисты осознают, что имперская идея крайне непривлекательна для большинства народов России. При этом не только для чеченских, татарских, якутских и прочих националистов, добивающихся большей автономии или полной независимости своих республик, но и для правящих элит этих республик. Поэтому в качестве единственного потенциального субъекта возрождения империи и имперцы, и националисты рассматривают этническое большинство. Отсюда вытекает и общая их поддержка идеи политического доминирования в России этнических русских. Ее активно отстаивают представители обоих течений. Но возникает неизбежный спор о том, как определять «русских».

Самый простой вариант – «по крови». Потенциально он может пользоваться большой популярностью, так как именно так понимает термин «национальность» огромное количество наших сограждан, а еще большее количество, видимо, рассматривает этот вариант наравне с другими («по языку», «по культуре» и т.д.). Этот вариант открыто предлагает, например, Александр Севастьянов, экс-сопредседатель Национально-державной партии России (НДПР), и с ним вполне солидарны все русские неонаци. Если на таком основании строить империю, это будет проект империи, откровенно списанный с модели Третьего рейха, где был апробирован инструментарий его практической реализации⁴³.

Гораздо популярнее сейчас более respectable вариант понимания «русскости» – «по культуре». О нем много говорят националистические активисты. Например, один из национал-имперских проектов, более соответствующий нынешним настроениям, представляет Д. Володихин. В нем «правлящую элиту России должны составлять русские по культуре, при этом необязательно русские по крови». Однако автор подчеркивает, что «их конфессионально-культурная принадлежность должна быть прочной, очевидной»⁴⁴. Уже в этом проекте российским мусульманам, численность которых в Рос-

сии за полвека удвоилась и продолжает быстро расти, в элите имперского государства места нет, не говоря уж о не менее многочисленных атеистах и агностиках.

Большая проблема определения «по культуре» в его слабой функциональности: непонятно, какие элементы культуры оценивать и как именно. На практике используется произвольная смесь разных элементов при полном игнорировании их взаимосвязей, различий и способов оценки. В этом проявляется политическая маргинальность русских националистов: они настолько еще не представляют своего прихода к власти, что мало интересуются реальными проектами переустройства (а то, что подается как такие проекты, за редким исключением является просто пропагандистской продукцией). Хотя у всех перед глазами наглядный пример нефункциональности определения «по культуре»: власти уже полтора десятилетия не могут толком определиться с тем, кто такие «соотечественники».

Впрочем, для целого ряда теоретиков «особого пути» проблема определения «русскости» не стоит, поскольку они вообще не обращаются к ситуации отдельного человека, мысля исключительно в масштабах народов и цивилизаций. А. Панарин предлагал проект империи, основанный на «незыблемой сущности евразийской цивилизации». В его концепции империя – это надэтническое образование, в котором есть место как православной, так и мусульманской религиям, лежащим в основе «евразийской цивилизации» и, соответственно, евразийской империи, а уж люди как-то должны подстроиться под это единство⁴⁵.

В том же ключе рассуждает обычно и Геннадий Зюганов, явно и неявно цитируя более уважаемых адептов цивилизационного национализма и смешивая самые разные подходы к русскому национализму. Вот как представляли Зюганова в качестве кандидата в президенты на выборах 2008 года: «Зюганов неуютен Мировому правительству и команде Путина не только потому, что он коммунист, а потому, что он единственный из кандидатов в президенты русский и по крови, и по духу. В отличие от других кандидатов – западников Зюганов убежден, что Россия больше чем страна, что она не охвостье Запада, а самобытная русская цивилизация, что субъектом национальных интересов России является не прозападная элита, а российский народ, 83% которого составляют русские. Поэтому русский

язык и русская культура являются духовной основой единства России. Нужно объединить здоровые силы, чтобы спасти русскую духовную культуру как триединство науки, искусства и веры от уничтожения. Нужно бороться против выхолащивания нравственного начала и эстетического содержания в художественном творчестве, против подмены добра и зла. Об этом Зюганов написал в своих книгах «О русских и России», «Святая Русь и Кашеево царство»⁴⁶.

Как ни странно, довольно последовательную концепцию культурного этнонационализма, причем именно имперского толка, разработала РПЦ. Эта концепция была предложена совместно патриархом Алексием II и будущим патриархом Кириллом еще в 1999–2000 годах, и с тех пор она если и не развилась вглубь, то точно распространилась вширь. Концепция «церковного русского национализма», если так можно выразиться, опирается на определение «русскости» именно по культуре, ни в коем случае не по крови (хотя оговорки про «кровное родство» и т.п. встречаются, конечно, это скорее прорывы отвергнутого, но не забытого биологизирующего подхода к этничности, неизбежного для подавляющего большинства советских людей). «Культура» же определяется просто и вполне однозначно – по религии. Такое определение дает наиболее инструментальное, весьма широкое и при этом инклюзивное понимание «русскости».

В соответствии с православными канонами все крещеные в Православной церкви являются православными христианами. Множество таковых в России почти целиком покрывает множество тех, кто определяет себя как русских (проценты крещеных и русских по опросам практически совпадают). Но это множество также включает немалое число других граждан – евреев, татар, украинцев и т.д. по самоопределению. Более того, это множество распространяется и за пределы России, составляя явное большинство населения в Украине (последующие расколы не отлучают автоматически крещеных в РПЦ людей от Церкви) и Белоруссии, значительную часть населения в Казахстане, Эстонии, Латвии и далее по убыванию. Даже в Европе и США есть значимое количество так определяемых русских, хотя там РПЦ приходится обращаться уже к иным культурным критериям в ходе общения с другими православными церквями.

Нет, никто в РПЦ не говорит (исключая маргиналов), что понятия «русский» и «православный» тождественны, но это и не требует-

ся, поскольку «цивилизация», во имя которой ведется это интеллектуальное конструирование, называется все-таки не русской, а российской или православной – в зависимости от требуемого масштаба. Представителям ислама, буддизма и иудаизма (в их наиболее распространенных формах и исключая оппозиционные религиозные меньшинства) предлагается роль младших партнеров.

В ситуации десекуляризации интеллектуального сообщества России в последние два десятилетия эта модель выглядит привлекательной для многих. В том числе и для значительной части высокопоставленных чиновников⁴⁷.

Российская власть и программы цивилизационного национализма

Политическая элита России находится на распутье. С одной стороны, русский этнонационализм является для властей заведомо неприемлемой стратегией, так как провоцирует подъем этнонационализмов меньшинств и чреват конфликтами. С другой стороны, национализм чрезвычайно привлекателен как эффективный способ мобилизации масс, тем более в условиях нынешней атомизации российского общества. В роли «полезного национализма» мог бы выступать национализм гражданский, идеальным образцом которого является французский республиканизм, но этому мешает авторитарная сущность власти, всегда и во всех странах ориентированной на эксплуатацию традиционных стереотипов сознания.

Таким образом, цивилизационный национализм является едва ли не единственным средством консолидации общества, приемлемым для нынешнего российского политического режима. Ему остается только выбрать, какую разновидность этой концепции использовать.

Здесь, правда, возникает некоторая сложность: сложившаяся властная структура неспособна принять идеологию из рук внешней для нее группы, поскольку такое заимствование придаст «культурному донору» политический вес и сделает его состоятельным конкурентом нынешней власти. Именно поэтому амбициозным планам авторов «Русской доктрины» не суждено было сбыться. По этой же причине и руководство РПЦ тоже не может быть провозглашено основным источником официальной идеологии.

Сейчас российские власти в соответствии с традициями В. Путина, всегда стремившегося избегать идеологической определенности, свой выбор никак не декларируют, предлагая гражданам ориентироваться по внедряемым государством практикам и символам. Важно отметить и то, что российский политический истеблишмент в его нынешнем виде – это не единая монолитная группа, а конгломерат довольно разных чиновничьих кланов, предлагающие де-факто разные версии цивилизационного национализма. Уже поэтому такая доктрина не может быть цельной и определенной.

Так, весьма непоследовательно отношение власти к имперской идеологии как неотъемлемой части российского цивилизационного национализма. С одной стороны, имперский принцип «удержания территорий» канонизирован в российской политике: В. Путин назвал «удержание государства на обширном пространстве» «тысячелетним подвигом России»⁴⁸. С другой стороны, нынешняя власть никогда не декларировала идеи имперской экспансии, если не считать создания сателлитных анклавов в Абхазии и Южной Осетии, антиукраинских эскапад Юрия Лужкова и высказываний ряда других политиков не первого ранга.

Еще одно проявление противоречивости «неуловимой» официальной идеологии связано с проблемой использования в официальном дискурсе обобщенного определения граждан России. В этих целях никогда не применяются термины «русские» и «русский народ», за которыми исторически закрепились этническая коннотация. В то же время представители власти уклоняются и от использования сугубо географического термина «россияне», введенного в официальный дискурс при Б. Ельцине, спичрайтеры которого использовали слово, встречающееся в русской художественной литературе еще XIX века. Более того, этнические русские коннотации общего определения граждан Российского государства неизбежно проявляются при участившихся попытках властей апеллировать к отечественной истории.

Такие коннотации ныне доминируют не только в учебниках истории и в речах многих деятелей культуры, но и в выступлениях политиков. Единственным средством преодоления этого очевидного противоречия выступает отсылка к надэтническому уровню общности, чаще всего прямо именуемому «цивилизацией». Само собой, риторика цивилизационного национализма все более пронизывает офи-

циальный академический дискурс, например в университетских курсах истории. Широкий общественный резонанс вызвало получение А. Дугиным, одним из наиболее одиозных идеологов цивилизационного национализма, официальной позиции в МГУ, пусть и на социологическом факультете, декан которого давно уже стал скандальным персонажем⁴⁹.

Во второй половине 2000-х годов цивилизационный национализм с его игрой вокруг этнического и надэтнического начал становится общим местом в речах не только публицистов, но и ответственных государственных деятелей, включая отца идеи «суверенной демократии» Владислава Суркова⁵⁰.

Примечательно, что Дмитрий Медведев до вступления на пост президента России фактически полемизировал с В. Сурковым (не называя его имени) и критиковал изобретенный им термин, заметив, что «понятия *суверенитет* и *демократия* – из разных понятийных категорий и сравнивать их нельзя... Если же к слову “демократия” приставляются какие-то определения, это создает странный привкус. Это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии»⁵¹. Однако заняв пост главы государства, Д. Медведев не стал полностью исключать концепцию «суверенной демократии».

При этом отмеченный «странный привкус» понятия не испарился: ценность демократии признается, но при этом отрицаются ее наиболее существенные признаки, ограничивающие персональную власть. А обоснования такого своеобразия опираются на представления об «особой цивилизации», которой внутренне присуща большая, чем западной цивилизации, склонность к авторитарному правлению.

Подход В. Суркова, стоит отметить, строится в целом так же, как подход Русской православной церкви. РПЦ вроде бы не отвергает достижения модернизации и многие другие универсальные ценности, но отбирает и по-своему модифицирует те из них, которые совместимы с предполагаемым ею набором «изначальных» качеств реципиента – «российской цивилизации».

Таким образом якобы должен возникнуть не уцененный догоняющий проект («Россия а ля Запад»), а свой отечественный и равноценный Западу «цивилизационный проект», способный даже конкурировать с западным в глобальном масштабе.

На практике власти все последние годы совершают сложные маневры в своих отношениях с националистическими тенденциями в обществе.

Власти, с одной стороны, активно культивируют традиционные методы мобилизации общества – мобилизацию военно-героическим прошлым (прославление побед империи) и мобилизацию страхом (образом врага). С другой стороны, возможные при таких методах вспышки милитаризма гасятся, чтобы избежать реальных внешнеполитических конфликтов (как это было в начале второй войны в Ираке или во время спора с Украиной о Керченском проливе в октябре 2003 года) и не позволить усилиться одному из правящих кланов. Исключением в работе этого механизма стала война с Грузией в 2008 году, сильно разогревшая милитаристские настроения масс. Но и в этом случае российские власти старались все же не допустить сильного разогрева внутривластной милитаристской мобилизации.

Власти, видя крайне высокий уровень этнических предрассудков в обществе, могут идти у них на поводу. После этнического погрома в Кондопоге (30 августа – 3 сентября 2006 года) на высшем уровне зашла речь о необходимости «обеспечения преимуществ коренному населению» (вот вам и поддержка идеи доминирования), а после конфликта с Грузией (осень 2006 года) были введены процентные квоты для работы иностранцев в определенных сферах, в частности на уличных рынках (эта мера на какое-то время вызвала сильный эффект в крупных городах, так что даже Ю. Лужков выступил против инициированного самим В. Путиным решения правительства, но вскорости торговцы легко нашли пути обхода бюрократического ограничения). Но антигрузинские эксцессы той же осени 2006 года оказались слишком скандальны, и через два года, в ходе и непосредственно после августовской войны, вся мощь пропагандистской машины была брошена на утверждение неэтнического характера конфликта – и действительно, в острейшей ситуации прямого военного конфликта этнических антигрузинских акций в России почти не было.

Власти время от времени поощряют определенные группы националистов, стремясь использовать их в политической борьбе и/или создать лояльную и менее агрессивную версию националистическо-

го движения, но до сих пор неудачно. Эпопея «Родины» является тому наиболее известным примером. Нечто сходное происходило позже, в 2008–2009 годах, с прокремлевскими молодежными движениями. В их деятельности вдруг четко проявилась националистическая компонента, так что порой можно было говорить о сходстве с ранним ДПНИ. Однако после ряда экспериментов эта компонента была почти полностью элиминирована, так как никак не удавалось избежать ее радикализации (в том числе в виде инфильтрации со стороны неонаци)⁵².

Не имея собственной последовательной и цельной концепции «национальной идеи», власть на практике постепенно утверждает концепцию цивилизационного национализма как доминирующую. И наибольшее сопротивление этому процессу происходит, вероятно, от внутренней несогласованности и непродуманности действий самих властей. Извне же противодействие слабо, хотя самое заметное сопротивление, видимо, могут оказать именно независимые от Кремля националисты, пусть слабые и разрозненные, но все же не настолько, как другие идейные сектора оппозиции (если к националистам относить не только ДПНИ, неонаци или деятелей типа Бабурина и Рогозина, но и левых националистов – КПРФ и НБП).

Поскольку такой метод подавления сопротивления, как широкие репрессии, нынешними властями не практикуется, остаются три других – идейная конкуренция, полицейские ограничения и переманивание.

Чиновникам вести идейную конкуренцию с действительно идейными людьми трудно. Хороший пример: российская власть создала новый праздник – День народного единства 4 ноября, посвященный событиям 1612 года, однако этот праздник, понимаемый в российской исторической мифологии как праздник победы над Западом, был сразу же монополизирован русскими националистическими организациями, ситуативно объединившимися в движение «Русский марш». И теперь сама же власть боится этого праздника, заходя стягивает милицию в российские города и вынуждена изучать, как сводки с фронтов, информацию о состоявшихся или разогнанных митингах националистов, а также организовывать контрмарши «Наших» и тому подобные мероприятия.

Конечно, всегда можно прибегать к полицейским ограничениям. Они сильно помогли в ряде случаев против манифестаций националистических оппозиционеров, но в целом не смогли сломить их активность: даже очень слабое на 4 ноября 2009 года ДПНИ собралось лишь немногим меньше участников «Русского марша», чем обычно, а нацболов, например, ограничениями остановить вообще трудно. Полицейские меры позволили разгромить наиболее опасные банды неонаци в Москве и в некоторых других городах, так что в 2009 году впервые не выросло, а даже сократилось количество преступлений по мотиву ненависти⁵³. Но неонацистское подполье остается очень активным, оно стало, с одной стороны, тщательнее соблюдать конспирацию, а с другой – все чаще атакует саму полицию. Похоже, постоянно возникающие новые группы будет уже сложнее ловить. Да и в целом полицейские методы можно рассматривать лишь как вспомогательные.

Переманивание оппонентов, включая прямой подкуп или взятие под покровительство, практикуется настолько широко, насколько это возможно. Но в такого рода играх всегда активны обе стороны. Если власть думает, что она переманивает и подчиняет, то включающиеся в этот процесс оппоненты рассматривают его как переход к тактике энтризма. Они могут при этом мечтать даже о быстром успехе – о постепенном обновлении власти и росте в ней удельного веса национал-имперских сил, готовых в случае возникновения кризисных ситуаций отвлечь людей от реальных проблем смелыми планами строительства новой империи от Владивостока до Лиссабона. Эта идея изложена М. Юрьевым в его книге «Третья империя», ставшей бестселлером в 2007 году⁵⁴.

Конечно, мечты Юрьева чрезмерно оптимистичны. Независимые националисты какого бы то ни было толка в сегодняшних условиях России не могут прийти к власти в результате демократических процедур. Очень мала вероятность их прорыва к власти в результате военного переворота, хотя такая возможность и обсуждается в их кругах. Но что вполне вероятно (хотя и не неизбежно, конечно), так это постепенная эскалация экспансионистских, милитаристских и этноксенофобных настроений, в том числе и во властной элите, по мере укрепления и институционализации цивилизационного национализма. Если этот процесс пойдет достаточно

далеко, сложится некая принципиально иная политическая ситуация, при которой вероятность прихода радикально-националистических сил к власти тем или иным способом может существенно возрасти.

Вместе с тем в стратегической перспективе «особый путь» цивилизационного национализма – безусловно тупиковый, противоречащий глобальным тенденциям мирового развития, мешающий модернизации социальных институтов и тем самым подрывающий саму надежду России на достойное место в будущем мировом порядке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Дилженский Г.Г.* «Конец истории» или смена цивилизаций? // *Цивилизации*. М., 1993. Вып. 2. С. 44.
- 2 *Паин Э.А.* Между империй и нацией. М.: Новое издательство, 2004. С. 97.
- 3 *Андреев А.Л.* «Мы» и «они»: к характеристике внешнеполитических ориентаций российского общества // *Россия в условиях трансформаций* / Под ред. С.С. Сулакшина. М., 2002. Вып. 21. С. 60.
- 4 Иного не дано. Перестройка: гласность, демократия, социализм / Авторский коллектив: А.Д. Сахаров, Н.Н. Моисеев, Т. И. Заславская, Г.Х. Попов, А.В. Яблоков и др. М.: Прогресс, 1988.
- 5 Статья «Конец истории?» была опубликована в 1989 году в журнале THE NATIONAL INTEREST, а уже в 1990–1991 годах вокруг нее были развернуты дискуссии сразу в нескольких российских журналах. Полный же текст книги этого автора был переведен лишь в 2004 году. См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.
- 6 *Ходорковский М.* Кризис либерализма в России // *Ведомости*. 2004. 29 марта. № 52 (1092).
- 7 *Манн Т.* Рассуждения аполитичного / Пер. с нем. Е. Елисеева // *Вестник Европы*. 2008. № 24.
- 8 *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.
- 9 Русским нужен правитель // *Rzeczpospolita*, Польша. С Ричардом Пайпсом (Richard Pipes) беседовал Петр Зыхович (Piotr Zychowicz). 7 ноября 2007 года [<http://inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/237696.html>].
- 10 *Сурков В.* Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Москва, Президиум РАН. 8 июня 2007 года [<http://surkov.info/publ/4-1-0-55>].
- 11 См.: *Сурков В.* Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма. Ч. 1–2. Москва, февраль 2006 года [<http://surkov.info/publ/4-1-0-13>].

- 12 *Юрьев М.* Крепость Россия // *Крепость Россия: прощание с либерализмом*. Сборник статей. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 59.
- 13 *Афанасьев Ю.* Мы – не рабы? Исторический бег на месте: «особый путь» России // *Новая газета*. 2008. 5 декабря.
- 14 См., напр.: *Володихин Д.* Нам нужна самодержавная монархия, несколько смягченная рядом представительных учреждений // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра* / Под общей редакцией И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007.
- 15 См., напр.: *Юрьев М.* Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра* / Под общей редакцией И.М. Клямкина.
- 16 См., напр.: «Русская доктрина» (Сергиевский проект) / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М.: Яуза, 2007.
- 17 *Верховский А.* Идеинная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы // *Верхи и низы русского национализма*. М.: Сова, 2007. С. 10.
- 18 Черная сотня – в русской правовой литературе XIX века так называлось население, коллективно платившее налоги и делившееся на «сотни», представлявшие собой военно-административные единицы России. Этот термин был использован для самоназвания крайне реакционными, антиреволюционными и антисемитскими организациями России, появившимися во время первой антимонархической революции 1905–1907 годов. К черносотенным относились такие организации, как Союз русского народа, Союз Михаила Архангела, Совет объединенного дворянства, Русская монархическая партия, Общество активной борьбы с революцией и др. Черносотенцы были причастны к массовым погромам еврейских поселений, а также осуществляли физическое уничтожение политических оппонентов. Термины «черная сотня» и «черносотенцы» вошли в широкое употребление в русском языке в значении ультраправых политиков и антисемитов. Существенная часть современного русского национализма если не выводит себя напрямую из черносотенства начала XX века, то не отрицает своей идейной близости с этим движением.
- 19 Подробнее о нем см.: *Верховский А.* Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. М.: Центр «Сова», 2003.
- 20 *Ларюэль М.* Александр Дугин, идеологический посредник // *Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям*. М.: Центр «Сова», 2005. С. 226–253.
- 21 Евразийство – философско-политическое движение, сложившееся в среде русской эмиграции в 1920–1930-е годы. Начало ему положил сборник статей Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Флоровского и П.П. Сувчинского «Исход к Востоку» (София, 1921). Авторы провозглашали Россию особым культурно-историческим типом – «Евразией», акцентировали внимание на связи ее с азиатско-тюркским миром и противопоставляли Россию Европе, то есть Западу.
- 22 Подробнее см.: *Кожевникова Г., Шеховцов А.* и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центр «Сова», 2009. С. 248–253, 270–280.
- 23 См., напр.: *Дугин А.* Ален де Бенуа и «Европейская идеология» // Предисловие к книге Алена де Бенуа «Против либерализма: к четвертой политической теории». Спб.: Амфора, 2009. С. 5–9.
- 24 Наиболее полная история РНЕ: *Лихачев В., Прибыловский В.* Русское Националь-

ное Единство, 1990–2000. В 2 т. Stuttgart: Ibidem, 2005.

25 *Верховский А.* Идеинная эволюция русского национализма. С. 13–14.

26 В середине февраля 2005 года лидер Родины Д. Рогозин на совещании регионального актива партии заявил о ее переходе в жесткую оппозицию не только правительству, но и президенту. Этому предшествовала коллективная голодовка членов фракции «Родины» в знак протеста против «монетизации социальных льгот», проводимой российским правительством. В марте 2005 года в ходе избирательной кампании в Мосгордуму Д. Рогозин взял курс на то, чтобы изменить имидж партии «Родина» как «кремлевского проекта» и «спецназа президента». На пресс-конференции 22 марта он заявил, что партия должна непосредственно заняться организацией протестных акций и «стать выразителем протестного избирателя». В этом отношении партия должна была стать союзником КППРФ, а основным противником партии Рогозин назвал «Единую Россию». В сложившихся в России политических условиях подобные заявления лидера партии были равносильны политическому самоубийству этой организации. Уже летом того же года партию «Родина» развалили в Думе на несколько самостоятельных фракций, а впоследствии лишили возможности участия в избирательных кампаниях всех уровней. Примечательно, что «Родина» была снята с тех выборов по иску ЛДПР, обвинившей «Родину» в ксенофобной пропаганде. А вот в аналогичном и не менее обоснованном иске «Родины» относительно ЛДПР было отказано.

27 *Крылов К.* 17 ответов. Наиболее распространенные вопросы к русским националистам и ответы на них. (Место издания и издатель не указаны.). 2009.

28 «Русская доктрина» (Сергиевский проект) / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. С. 864.

29 См.: *Зверева Г.* Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины» // *Верхи и низы русского национализма* / Сост. А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007.

30 Там же. С. 128.

31 *Абдулатипов Р.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // *Научная мысль Кавказа*. 1995. № 1. С. 55–58.

32 *Исхаков Д.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Мастер Лейн, 1997. С. 178–183, 186; *Хаким Р.* Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). Казань: Идел-Пресс, 2005.

33 *Бакиев А.Ш.* Адыгская цивилизация. Автореф. канд. дисс. Нальчик, 1998; *Табаев Г.И.* Болгаро-чувакская цивилизация: прошлое, настоящее, будущее. Чебоксары: Чувакский государственнй университет, 2000; *Тумусов Ф.С.* Цивилизация Саха: место в мировом сообществе // *Тюркский мир*. 1998. № 1. С. 12–14.

34 См. о Панарине как теоретике цивилизационного национализма: *Ларюэль М.* Александр Панарин и «цивилизационный национализм» в России // *Русский национализм: идеология и настроение*. М.: Центр «Сова», 2006. С. 165–182.

35 *Панарин А.С.* От формационного монолога к цивилизованному диалогу // *Коммунист*. 1991. № 9. С. 23; *он же.* Возвращение в цивилизацию или «формационное одиночество» // *Философские науки*. 1991. № 8. С. 3–16.

36 *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире // *Москва*. 2001. № 3. С. 128–140; *он же.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

37 *Лосев А.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 2000.

38 *Кирдина С.Г.* Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // *Вопросы экономики*. 2004. № 10. С. 89–98; *она же.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

39 См.: *Шнирельман В.* Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея // *Российская модернизация: размышления о самобытности*. Под ред. Э. Паина и О. Волкогоновой. М., 2008. С. 211.

40 *Белов А.* Имперский марш русского будущего / Интернет-издание АПН. 2006. 13 ноября. [<http://www.apn.ru/publications/article10883.htm>].

41 См., напр., полемические заметки: *Святенков П.* Империя и ее имперцы / Интернет-издание АПН. 2006. 23 июня [<http://www.apn.ru/publications/article9903.htm>].

42 *Юрьев М.* Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра* / Под общей редакцией И.М. Клямкина. С. 169.

43 *Севастьянов А.* Время быть русским. Третья сила. Русский национализм на авансцене истории. М.: ЭКСМО, 2004.

44 *Володихин Д.* Дискуссия в Фонде «Либеральная миссия» [<http://www.liberal.ru/articles/cat/1271>].

45 *Панарин А.С.* Парадоксы европеизма в современной России // *Россия и мусульманский мир*. 1997. № 3.

46 *Никитин В.С.* О президентских качествах Г.А. Зюганова: Он соединил в себе две ипостаси – коммуниста и патриота–государственника, сражающегося за спасение России // *Официальный сайт КППРФ*. 2008. 7 января [<http://kprf.ru/vibory2008/chronicle/54161.html>].

47 Подробнее о различных аспектах теории «православной цивилизации» см.: *Верховский А.* Церковный проект российской идентичности // *Современные интерпретации русского национализма* / Под. ред. М. Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 171–188.

48 Послание Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному собранию РФ. 16 мая 2003 года // *Российская газета*. 2003. 17 мая.

49 См.: *Шнирельман В.* «Несовместимость культур»: от научных концепций и школьного образования до реальной политики // *Русский национализм: идеология и настроение*. Составитель А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2006. С. 183–222.

50 *Карпенко О.* «Суверенная демократия» для внутреннего и наружного применения // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 1.

51 Для процветания всех надо учитывать интересы каждого. Интервью первого вице-премьера Правительства России Дмитрия Медведева главному редактору журнала «Эксперт» Валерию Фадееву // *Эксперт*. 2006. 24 июля [http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/28/interview_medvedev/].

52 *Кожевникова Г.* Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // *Русский национализм между властью и оппозицией* / Под. ред. В. Прибыловского. М.: Центр «Панорама», 2010. – С. 4–17.

53 См. подробную статистику в приложениях к последнему годовому докладу Цент-

ра «Сова»: Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2009 году. М.: Центр «Сова», 2010. С. 127–141.

54 Юрьев М. Третья империя. Россия, которая должна быть. СПб. – М.: Либиус-Пресс, Издательство К. Тублина, 2007.

Борис Дубин

Мифология «особого пути» в общественном мнении современной России

1

По данным опросов Левада-Центра, трое из пяти взрослых россиян в последнее десятилетие устойчиво соглашались с мнением, что Россия должна идти по особому пути, отличающему ее от всех других стран. Между тем в конце 1980-х – начале 1990-х, примерно до 1992 года, сознание принадлежности к стране, в тот период еще советской, сопровождалось у относительного, но явного большинства жителей России самыми негативными чувствами – ненужности советского опыта никому в мире, пребывания страны на обочине цивилизации, острого ощущения дефицитности всех благ, собственной нищеты и отсталости¹. Подобные оценки транслировались и поддерживались тогда каналами печатной и аудиовизуальной коммуникации, прежде всего – новыми и независимыми. Они же заинтересованно обсуждали проблематику альтернативы советскому строю и образу жизни, выдвигали новые ориентиры развития для страны, в которой и «сверху», и «снизу» как будто бы нарастал призыв к крупномасштабным переменам. Отклик массового сознания на эти дискуссии отражался в тогдашних опросах общественного мнения.

Мифология «особого пути» и особых качеств российского человека начала активизироваться к середине и во второй половине 90-х. Так, в 1994 году относительное большинство респондентов (41% из 3 тыс. опрошенных тогдашним ВЦИОМом) все-таки признавали, что Россия отстала от большинства передовых стран, однако уже 32% соглашались с тем, что она развивается по особому, своему пути и ее нельзя сравнивать с другими странами (8% придерживались мнения, что Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли). В дальнейшем доля приверженцев второй и третьей позиции